

Александр Сергеевич Пушкин и его тетушка (Контуры одной историко-литературной проблемы)

В середине осени предгрозового 1824 г. в Москве произошло на первый взгляд далекое от литературы событие, которому, однако, суждено было войти в летописи отечественной словесности. 14 октября в своем доме на углу улицы Старой Басманной и Токмакова переулка в возрасте пятидесяти девяти лет¹ после долгой болезни скончалась Анна Львовна Пушкина.

Старшая сестра Василия Львовича и Сергея Львовича Пушкиных была известна в литературных кругах Москвы и пользовалась искренним уважением у всех знавших ее людей. Современники отмечали ее незаурядный ум и душевные качества; искали ее общества и ценили ее внимание. «Она была умна, умнее своих братьев, — вспоминал на склоне лет М. А. Дмитриев, — женщина кроткая, любезная и просвещенная. Она читала на французском языке не одни романы и стихи, не одни книги, назначаемые для легкого чтения, но и важного, даже философического содержания. Разговор ее был чрезвычайно приятен и полон мыслей и опытности, приобретенной посредством собственного размышления. Она была в числе немногих и редких женщин, которые могли бы служить украшением всякого, и светского, и мыслящего общества! Ум, доброта и снисходительность просвечивали в каждом ее слове»². Анна Львовна никогда не была замужем и не имела семьи, хотя в конце 1790-х гг. считалась невестой И. И. Дмитриева, который просил ее руки, но получил отказ. Впрочем, это не расстроило их отношений, они остались друзьями, а впоследствии и породнились через кумовство³.

Но самым близким другом Анны Львовны был ее младший брат В. Л. Пушкин. К этой дружбе близко знавшие их люди нередко относились иронически. Позднее П. А. Вяземский писал про Василия Львовича, что «зять его, Солнцев⁴, говорил, что сердечные привязанности его делятся на три степени: первая — сестра его Анна Львовна, вторая — Вяземский, третья — однобортный фрак, который выкроил он из старого сюртука, по новомодному покрою фрака, привезенного в Москву Павлом Ржевским»⁵. Красноречивым же свидетельством отношения сестры к брату служит то, что она завещала ему свой дом⁶, а также просила положить к себе в гроб его письма⁷.

Кончина сестры, несомненно, явилась для Василия Львовича сильным ударом. Друзья-литераторы пытались утешить его стихотворными посла-

ниями: в «Дамском журнале» были опубликованы «К Василию Львовичу Пушкину. На кончину сестры его, Анны Львовны Пушкиной» П. И. Шаликова (1824. Ч. 8. № 22. С. 128–130; без подписи) и «К В. Л. Пушкину» А. Абр. Волкова (1825. Ч. 9. № 2. С. 69); стихи на смерть А. Л. Пушкиной написал также И. И. Дмитриев, но они не были опубликованы и остались неизвестны современникам⁸. Все ждали поэтического отклика на это печальное событие и от самого Василия Львовича, который всегда последовательно стремился «олитературить» любое событие своей биографии и биографии близких ему людей. С. И. Панов в предисловии к последнему изданию его стихотворений справедливо писал, что «на примере В. Л. Пушкина хорошо видно, как “искусство жизни” тесно переплеталось с “искусством поэзии”. Самые разнообразные бытовые факты получали поэтическое отражение, а стихи неизменно проецировались на жизнь стихотворца; две эти стороны были неразделимы»⁹. Скорбь от утраты близко человека неизбежно должна была превратиться в стихотворение.

В этом был убежден и племянник Василия Львовича. О смерти тетки А. С. Пушкин узнал в середине ноября¹⁰, и уже через несколько дней в письме к П. А. Вяземскому от 29 ноября он спрашивал: «Смерть моей тетки *frétillon* <резвушка (*фр.*)> не внушила ли какого-нибудь перевода В.<асилию> Л.—<ьвови>чу? нет ли хоть эпитафии?» (XIII, 125). Ехидные слова о «переводе» или «хоть эпитафии» демонстрируют то неприятие, которые питал Пушкин-племянник к известному стремлению своего дяди превращать частную жизнь в литературу. Как точно заметил упомянутый выше исследователь, «старые категории литературного быта с предельно тонкой и подвижной границей между словесностью и повседневной жизнью воспринимались людьми нового поколения с удивлением и даже иронией»¹¹. В пушкинской фразе нет презрительного отношения к Василию Львовичу, а только скептическая оценка его литературной стратегии¹², характерной, впрочем, почти для всех поздних сентименталистов. По мнению А. Глассе, «не очень уместная пушкинская веселость и неуважение к скорби родных были, по-видимому, реакцией на манеру выражения личного горя старшим поколением людей, выросших на сентиментализме и не стеснявшихся проливать слезы, да еще и с театральной экзальтацией в сопровождении приличествующих сентенций...»¹³. Изобиловавшая штампами и излишне аффектированным выражением чувств «сентиментальная» поэзия 1820-х гг. уже воспринималась как нечто вздорное и фальшивое, становясь легкой добычей пародистов и благодарным материалом для разного рода иронических оммажей.

Дядя не обманул ожиданий племянника, посвятив Анне Львовне не «перевод» и даже не эпитафию, а полноценное стихотворение — эле-

гическое послание «К ней», где словно в концентрированном виде содержались все основные элементы присущего ему стиля. В первой половине 1820-х гг. подавляющее большинство плодов своей музыки Василий Львович отдает в московский «Дамский журнал», выпускавшийся его ближайшим другом и единомышленником П. И. Шаликовым. Казалось бы, это послание уместнее всего смотрелось бы именно здесь, но по каким-то причинам оно было опубликовано совсем в другом месте — в модном петербургском издании, на страницах которого в окружении стихов и прозы младших современников из совсем другого литературного круга выглядело как чужеродный элемент. Мы имеем в виду легендарный альманах А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева «Полярная звезда»¹⁴.

«Полярная звезда на 1825 год» должна была выйти в свет еще в конце 1824 г., но задержалась по причине знаменитого петербургского наводнения и появилась в продаже только 20 марта 1825 г.¹⁵ — позднее едва ли не всех альманахов. Спустя пять дней Рылеев посылает свежотпечатанную книжку в Михайловское¹⁶, но до Пушкина она доходит, судя по всему, лишь в десятых числах апреля¹⁷. Тогда же к опальному поэту проездом из Витебска в Петербург заезжает А. А. Дельвиг и проводит у него около двух недель. Одним из следствий этого визита явилось стихотворение, которое Пушкин послал в письме к П. А. Вяземскому в конце апреля¹⁸. Вот фрагмент этого письма:

«Улыбнись, мой милый, вот тебе *Элегия на смерть Ан.<ны> Льв.<овны>*.

Ох, тетинька! ох, Анна Львовна,
Вас.<илья> Льв.<овича> сестра!
Была ты к маминьке любовна,
Была ты к папиньке добра,
Была ты Лиз.<аветой> Льв.<овн>ой
Любима больше серебра;
Матв.<ей> Мих.<айлович>, как кровный,
Тебя встречал среди двора.
Давно ли с Ольг.<ою> Сергевной,
Со Льв.<ом> Серг.<еичем> давно ль,
Как бы на смех судьбине гневной,
Ты разделяла хлеб да соль.
Увы! зачем В.<асилий> Л.<ьвович>
Твой гроб стихами обмочил
Или зачем подлец попович
Его Красовский пропустил.

(Я да Дельвиг)» (XIII, 165–166)¹⁹.

Вяземский отвечал Пушкину в письме от 7 июня: «Если: Ах, тетушка! Ах, Анна Львовна! попадется на глаза Василью Львов. <ичу>, то заготовь другую песню, потому что он верно не перенесет удара. Сказывают, у Вас умер еще добрый человек Петр Львович и оставил хорошее наследство. Смотри, не перестань писать с счастья: наследства так и падают Вам на голову. А напротив, тебе надобно теперь еще прежнего быть умнее и одному поддерживать славу пушкинского рода» (XIII, 181). Как видим, Вяземский прекрасно понимал, что распространение этого стихотворения может навлечь на Пушкина серьезные неприятности и едва ли мог знакомить с ним даже людей из ближайшего окружения. Однако вскоре «Элегия на смерть Анны Львовны» стала широко распространяться в списках, причем под именем одного Пушкина²⁰, и, разумеется, дошла до Василия Львовича, вызвав семейный скандал, в котором поэт, незадолго до того крупно поссорившийся с отцом, был крайне не заинтересован. В письме от второй половины сентября 1825 г. он просил Вяземского: «Ради бога докажи Вас. <илию> Льв. <овичу>, что Элегия на смерть Ан. <ны> Льв. <овны> не мое произведение, а какого-нибудь другого беззаконника. Он восклицает “а она его сестре 15.000 оставила!”... <...> Дело в том, что конечно Дельвиг более виноват, нежели я. Похлопочи обо мне, душа моя, как о брате...» (XIII, 231). Позднее и Л. С. Пушкин в письме от 26 октября 1825 г. просил С. А. Соболевского убедить Василия Львовича, что элегия на смерть Анны Львовны «не брата и никого из семейства; разве, может быть, С. А. хотел подшутить, да и подделался под брата»²¹. Конфликт удалось уладить лишь в следующем году Вяземскому, о чем Дельвиг сообщал своему соавтору во второй половине июня 1826 г.: «Вяз. <емский> у меня был в проезд свой в Ревель. Он сказал мне, что он уверил В. <асилия> Л. <ьвовича>, что: Ах тетушка, ах Анна Львовна, написано мною, и тем успокоил его родственную досаду. Мы очень смеялись над этим. Отец твой ничего об этом не говорил и не говорит. Тебе напрасно его оклеветали» (XIII, 285). Таким образом, отношения между сентиментальным дядей и колким племянником были восстановлены.

Спустя тридцать лет в журнале «Современник» В. П. Гаевский публикует цикл биографических статей о Дельвиге; в четвертой из них он вспоминает про этот эпизод. У Гаевского не было на руках никаких документов; он изложил этот сюжет (почти во всем ошибочно) со слов близкого приятеля Дельвига — князя Д. А. Эристова, а после напечатал упомянутую «Элегию», список которой получил от него же. В этом варианте текст элегии заметно отличался от того, который Пушкин послал Вяземскому:

Ах, тетушка! ах, Анна Львовна,
 Василья Львовича сестра!
 Ты к матушке была любовна,
 Ты к батюшке была добра;
 Тебя Матвей Михайлыч кровный
 Встречал всегда среди двора;
 Тебя Елисавета Львовна
 Любила больше серебра!
 Давно ли с Ольгою Сергевной,
 Со Львом Сергеичем давно ль,
 Назло самой судьбине гневной,
 Делила ты и хлеб, и соль?
 Но вот уже Василий Львович
 Стихами гроб твой окропил!
 Зачем стихи его.....
!²²

Через несколько лет этот же вариант²³ был напечатан А. Н. Афанасьевым в несколько более полном виде: последние два стиха в этой публикации читались:

Зачем стихи его попович —
 П... К—ский пропустил?²⁴

К слову заметим, что замененное точками слово «подлец» в XIX веке считалось нецензурным, и, вероятно, именно поэтому когда А. И. Герцен перепечатал элегию в «Полярной звезде на 1858 год», он заменил его словом «дурак»; фамилия же Красовского была раскрыта полностью²⁵. В остальном текст был почти идентичен предыдущим публикациям²⁶. Сразу отметим, что именно к этой редакции восходят все известные нам копии 1820—1830-х гг.; почти все они дают крайне неисправный текст, изобилующий большим количеством ошибок²⁷, а их разночтения можно объяснить лишь ошибками переписчиков. Понимая это, М. А. Цявловский в Большом академическом издании принял едва ли не уникальное решение: он не стал приводить разночтения всех источников, а опубликовал в вариантах текст, максимально близкий к редакции Гаевского—Афанасьева—Герцена, отметив под строкой, в каких копиях или публикациях имеется вариант той или иной строки (см.: II, 1001).

Прежде чем окончательно войти в корпус пушкинских текстов (впервые — в первый том второго издания Полного собрания сочинений под редакцией Г. Н. Геннади)²⁸, «Элегия» в такой редакции была напечатана еще несколько раз в нелегальных изданиях²⁹. Пушкинс-

кий же текст был обнародован лишь в 1874 году, в составе публикации его писем к П. А. Вяземскому, осуществленной П. И. Бартевым³⁰. С тех пор, начиная с первого Полного собрания сочинений под редакцией П. А. Ефремова (1880), в пушкинских многотомниках печатается именно эта редакция.

Спустя почти полвека после первой публикации на «Элегию» обратили внимание и исследователи творчества Дельвига. Впервые это сделал М. Л. Гофман, включив ее в подготовленное им издание³¹; вслед за ним в раздел «Коллективное» двух изданий «Библиотеки поэта» включил этот текст и Б. В. Томашевский — хотя сам был уверен в единоличном авторстве Пушкина³². Более осторожную позицию занял В. Э. Вацуро, отметив в комментариях к одностомнику Дельвига, что «окончательное решение вопроса в настоящее время затруднительно»³³. Однако во всех названных изданиях печатается тот текст, который Пушкин послал Вяземскому.

Такое решение не кажется нам правомерным.

Текст «Элегии» мог распространяться тремя путями. Во-первых, он был послан Пушкиным Вяземскому, но, как было показано выше, последний не мог дать ход этим стихам. Во-вторых, «Элегия» читалась в Тригорском; сохранилось свидетельство А. П. Керн, что П. А. Осипова спросила однажды Пушкина: «“Что уж такого умного в стихах «Ах, тетушка, ах, Анна Львовна?»”, а Пушкин на это ответил такой оригинальной и такой характерной для него фразой: “Надеюсь, сударыня, что мне и барону Дельвигу дозволяется не всегда быть умными”»³⁴. Однако крайне сомнительно, что на «тригорских барышень» можно возложить вину за то, что это стихотворение стало известно далеко за пределами их усадьбы.

Самое вероятное, что за распространение крамольной «Элегии» Пушкин должен был бы благодарить своего ближайшего друга и соавтора. Дельвиг возвращается в Петербург в конце апреля; по возвращении он попадает в самый эпицентр литературной жизни, встречается со своими литературными друзьями и соперниками, сообщает новости о Пушкине³⁵. Можно предположить, что на каком-нибудь из дружеских обедов он и прочитал сочиненную совместно с Пушкиным «шалость». Кажется лишним напоминать, какой популярностью в то время пользовались стихи михайловского изгнанника: любое новое его стихотворение, любой отрывок с жадностью читались, декламировались и переписывались в заветные тетради. Едва ли Дельвиг вез с собой рукопись шуточной «Элегии»; очевидно, он воспроизвел ее по памяти, поэтому нет ничего удивительного, что между пушкинским

текстом и текстом, получившим широкое хождение в списках, оказались довольно значительные разночтения. Напомним сентябрьское письмо к Вяземскому, процитированное выше: «Дело в том, что конечно Дельвиг более виноват, нежели я». В чем именно «более виноват» Дельвиг? В том ли (как обычно полагают комментаторы), что он явился главным вдохновителем и творцом столь легкомысленного текста? Не исключено, тем более, что у него уже был опыт сочинения стихов подобного рода — еще на лицейской скамье он написал пародийную элегию «На смерть кучера Агафона». Но, может быть, и в том, что именно благодаря его безалаберности «Элегия» стала ходить в списках и, как следствие, навлекла на Пушкина гнев его дяди.

Отметим, кстати, что судя по цитированному выше письму Вяземского от 7 июня 1825 г., к тому времени ему уже попался на глаза список «Элегии»: об этом говорит как то, что он цитирует первую строку не в «пушкинской» («Ох, тетинька! ох, Анна Львовна...»), а в «дельвиговской» редакции («Ах, тетушка! ах, Анна Львовна...»), так и высказанная уверенность, что текст может попасть к Василию Львовичу. Еще ранее «Элегия» стала известна А. И. Тургеневу, который писал Вяземскому уже 2 мая: «Перестань переписываться с Пушкиным: и себе, и ему повредить можешь. Он не унимается: и сродникам, и приятелям — всем достается от него»³⁶.

Таким образом, мы имеем полное право сделать следующий вывод: от каждого из создателей «Элегии на смерть Анны Львовны» остался свой вариант текста. И если в пушкинских изданиях должен, бесспорно, публиковаться текст из письма к Вяземскому, то в сборниках Дельвига правомернее помещать вариант Гаевского—Афанасьева—Герцена.

Примечание

- ¹ В большинстве справочных пушкинских изданий годом рождения А. Л. Пушкиной назван 1769-й. Более полувека назад А. И. Ревякин на основании изучения исповедных книг (правда, без указания точных отсылок) установил, что правильным следует считать 1765 год (см.: *Ревякин А. И. К биографии А. С. Пушкина. (Из архивных разысканий) // Уч. зап. Московского гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина. 1954. Т. 43. Вып. 4. С. 136*); однако в опубликованной недавно выписке из исповедной ведомости церкви Харитона Исповедника за 1799 г. возраст Анны Львовны указан «30 лет» (см.: А. С. Пушкин: Московские страницы биографии. М., 2000. С. 60; следует отметить, что в опубликованной там же метрической записи о смерти Анны Львовны ее возраст ошибочно указан как «38 лет». — С. 67).

Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни / Подгот. текста и коммент. К. Г. Боленко, Е. Э. Ляминой, Т. Ф. Нешумовой; Вступит. статья К. Г. Боленко и Е. Э. Ляминой. М., 1998. С. 132.

Подробнее об отношении современников к А. Л. Пушкиной см.: *Балакин А., Велижев М.* Новые стихотворения И. И. Дмитриева. I. «На кончину А. Л. П. ...» // Новое литературное обозрение. 2007. № 4 (86). С. 128–133.

Матвей Михайлович Сонцов (1779–1847), чиновник особых поручений при министре юстиции, с марта 1825 г. камергер; его жена Елизавета Львовна (1776–1848) приходилась родной сестрой Анне Львовне и Василию Львовичу Пушкиных (см. также ниже).

Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1878. Т. 1. С. XXIX; ср. также: *Вяземский П. А.* Старая записная книжка / Ред. и примеч. Л. Я. Гинзбург. Л., 1929. С. 94.

См.: *Тормозова Л. И.* Улица Карла Маркса, 36. М., 1988. С. 33–34 (дом не сохранился).

См.: Дамский журнал. 1824. Ч. 8. № 22. С. 129.

Впервые опубликованы: *Балакин А., Велижев М.* Новые стихотворения И. И. Дмитриева. I. «На кончину А. Л. П. ...». С. 128.

Панов С. И. «Смиранный стихотворец» // Пушкин В. Л. Стихотворения / Изд. подгот. С. И. Панов. СПб., 2005. С. 10.

См. его письмо Л. С. Пушкину от начала двадцатых чисел ноября 1824 г. (XIII, 122). Спустя две недели, 4 декабря 1824 г., откликаясь на упомянутое выше послание Шаликова, Пушкин писал О. С. Пушкиной: «Если то, что ты сообщаешь о завещании А. Л., верно, то это очень мило с ее стороны. В сущности, я всегда любил тетку, и мне неприятно что Шаликов обмочил ее могилу. Няня исполнила твою комиссию, ездила в Св.<ятые> горы и отправила панихиду или что было нужно» (XIII. С. 127, 533; часть текста по-французски; свое состояние А. Л. Пушкина разделила между О. С. Пушкиной и дочерями Сонцовых Екатериной и Ольгой, — См.: *Пушкин А. С.* Письма. М.; Л., 1926. Т. 1. С. 376; примеч. Б. Л. Модзалевского).

Панов С. И. Стихотворец со Старой Басманной // Ново-Басманная, 19. 1990 / Сост. Н. А. Богомолов. М., 1990. С. 53.

Об этом же см.: *Постнов О. Г.* Пушкин и смерть: Опыт семантического анализа. Новосибирск, 2000. С. 108. Принимая в целом трактовку этого эпизода творческой биографии Пушкина автором указанной книги, с рядом его положений мы не можем согласиться.

Глассэ А. О мужичке без шапки, двух бабах, ребеночке в гробике, сапожнике немце и о прочем // Новое литературное обозрение. 1997. № 28. С. 48.

Позднее это стихотворение переписывалось и в альбомы (см., к примеру, альбом, принадлежавший Катер... Вас... Никиф... — ИРЛИ. Р. III. Оп. 3. Ед. хр. 7. С. 133–135).

См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 1799–1826 / Сост. М. А. Цявловский. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1991. С. 516.

См.: XIII, 157.

- ¹⁷ 7 апреля в письме к Л. С. Пушкину он пишет, что «Полярн<ой> еще не получил» (XIII, 161).
- ¹⁸ В Большом академическом издании это письмо датируется «20-ми числа-ми апреля (не позднее 24)» (XIII, 165).
- ¹⁹ В стихотворении упоминаются дядя поэта М. М. Сонцов, тетка Е. Л. Сонцова, сестра О. С. Пушкина и брат Л. С. Пушкин. Во второй строке содержится намек на скупость Сонцовых (сводку свидетельств современников см.: *Волович Н. М. У карты пушкинской Москвы // Волович Н. М. Пушкин и Москва: Сб. статей. М., 1994. Кн. 1. С. 84–85*); эта их черта тогда же была высмеяна Е. А. Баратынским и С. А. Соболевским в стихотворении «Цапли» («Жил да был петух и индейский...», 1825; известно также под заглавием «Бьль»), одно время приписывавшееся Пушкину (см.: *Боратынский Е. А. Полн. собр. соч. СПб., 1914. Т. 1. С. 324–325; примеч. М. Л. Гофмана*). Об отношениях А. Л. Пушкиной и Е. Л. Сонцовой см. также: *Романюк С. К. К биографии родных Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1989. Вып. 23. С. 7–8*.
- ²⁰ В одном раннем списке под текстом стоит имя В. Л. Пушкина (ИРЛИ. № 22580), но это можно причислить к разряду курьезов.
- ²¹ Литературное наследство. М., 1934. Т. 16–18. С. 728.
- ²² *Гаевский В. П. Дельвиг (Полное собрание сочинений русских авторов. Сочинения Нелединского-Мелецкого и Дельвига. Издание Александра Смирдина). Статья четвертая // Современник. 1854. № 9. Отд. III. С. 18*. Как здесь же сообщал автор статьи, Дельвигу «приписывали сочиненную Пушкиным скоро по выпуске из лицея, “Элегию на кончину тетушки” <...> Дельвиг прослыл автором элегии, ходившей тогда по рукам в многочисленных списках»; однако среди известных нам списков этого стихотворения нет ни одного с именем Дельвига.
- ²³ Единственное отличие от публикации Гаевского: «Ты к маминьке была любовна, / Ты к маминьке была добра» (ст. 3–4).
- ²⁴ Библиографические записки. 1858. №12. Стб. 367; здесь стихотворение ошибочно датировано 1824 г. За дозволение этой публикации цензор журнала Н. Ф. Крузе 6 сентября 1858 г. получил выговор (см.: *Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966. С. 159*).
- ²⁵ См.: *Полярная звезда на 1858 г., издаваемая Искандером и Н. Огаревым. Лондон, 1858. Кн. 4. С. 273*; здесь стихотворение ошибочно датировано 1830 г.
- ²⁶ Необходимо помнить, что в то время требования к точности передачи текста были несколько иными, чем теперь: так, незначительные разночтения имеются во всех трех списках, выполненных В. П. Гаевским собственноручно (один на отдельном листе — ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 4. Ед. хр. 146; и два — в наборной рукописи цикла статей о Дельвиге — ИРЛИ. № 18025. Л. 82 и 134; последний идентичен журнальному тексту).
- ²⁷ Некоторые из копий несут следы исправлений, сделанных, очевидно, уже после публикации стихотворения в «Библиографических записках» или

«Полярной звезде», т. к. после текста дописываются краткие примечания, аналогичные тем, какими сопровождалась указанные публикации.

- ²⁸ См.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. / Под ред. Г. Н. Геннади. СПб., 1869. Т. 1. С. 304.
- ²⁹ См.: Новые стихотворения Пушкина и Шавченки. Лейпциг, 1859. С. 45; Русская потаенная литература XIX столетия. Отдел первый. Часть первая. С предисловием Н. Огарева. Лондон, 1861. С. 93; Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений. Берлин, 1861. С. 44 (входило во все дальнейшие переиздания этого сборника); Стихотворения А. Пушкина. Лейпциг, 1861. С. 49 (паг. 2-я).
- ³⁰ См.: Русский архив. 1874. №1. Стб. 152–153; перепечатано в том же журнале Н. В. Гербелем в публикации «Для будущего полного собрания сочинений А. С. Пушкина» (1876. №10. С. 234–235) с пометой «Первая редакция стихотворения того же имени, напечатанного на 304 странице 1-го тома последнего издания “Сочинений А. С. Пушкина”» и правильной датой «1825».
- ³¹ См.: *Дельвиг А. А.* Неизданные стихотворения / Под ред. М. Л. Гофмана. Пб., 1922. С. 109.
- ³² См.: *Дельвиг А. А.* Полн. собр. стихотворений / Ред. и примеч. Б. Томашевского; Вступ. статьи И. Виноградова и Б. Томашевского. [Л., 1934]. С. 502; *Дельвиг А. А.* Полн. собр. стихотворений / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Б. В. Томашевского. Л., 1959. С. 336.
- ³³ См.: *Дельвиг А. А.* Соч. / Сост., вступ. статья, коммент. В. Э. Вацуру. Л., 1986. С. 408.
- ³⁴ Цит. по: *Керн (Маркова-Виноградская) А. П.* Воспоминания. Дневники. Письма / Сост., вступ. статья и примеч. А. М. Гордина. М., 1989. С. 335; подлинник по-французски.
- ³⁵ Подробнее об этом периоде жизни Дельвига см.: *Вацуру В. Э.* «Северные цветы»: История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978. С. 49–51.
- ³⁶ Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 3. С. 119.

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена
Женевский университет
Петербургский институт иудаики
Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом)
Хельсинский университет

при поддержке

Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева
Издательства «Вита Нова»

ОЗЕРНАЯ ШКОЛА

Труды пятой
Международной летней школы
на Карельском перешейке
по русской литературе

Поселок Поляны (Уусикирко)
Ленинградской области

2009